

UNITED WISDOM

Кант: условия опыта и пределы возможного знания

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-18-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Кант: условия опыта и пределы возможного знания

Представьте условную сцену: двое стоят у одного окна и обсуждают происходящее на улице. Один замечает движение машин, другой — задержку человека, которого ждёт. Они видят одну обстановку, но отвечают на разные вопросы. Отсюда легко перейти к выводу: каждый живёт в своей реальности. Но этот вывод слишком быстро объединяет внимание, оценку и устройство самого опыта.

Можно ли отличить то, что зависит от текущего интереса, от того, без чего никакое событие вообще не могло бы быть для нас предметом знания? И если знание имеет условия, означает ли это, что оно всего лишь произвольная история? Кантовский вопрос начинается именно там, где привычное противопоставление объективного мира и субъективного мнения становится недостаточным.

О чём эта статья

Кант исследует не только то, что мы знаем, но и то, что делает опыт возможным. Мы кратко рассмотрим чувственность и рассудок, пространство и время, различие явления и вещи самой по себе, границы применения понятий. Затем предложим собственное современное развитие: как не смешивать перспективу с произволом, объяснение с недоступным окончательным ответом, недостаток сведений с принципиальным пределом. Условные бытовые примеры здесь не являются доказательствами кантовской системы или нейронаучными результатами. Они помогают поставить вопрос в знакомом масштабе, сохраняя дистанцию к историческому аргументу. В центре будет двойная возможность: знание может быть ограниченным и всё же объективно значимым; признание предела может поддерживать исследование, не превращаясь в удобный отказ думать.

1. Вопрос об условиях отличается от вопроса о происхождении

В «Пролегоменах» Кант различает психологическое происхождение опыта и то, что содержится в опыте как условие его возможности. Он анализирует соединение чувственного восприятия и суждения; объективное притязание не сводится к личной последовательности ощущений. Кант, «Пролегомены», §§18–22, особенно 21а.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Для нашего современного прочтения полезно различить два вопроса: как человек научился пользоваться картой и что требуется, чтобы карта могла показывать маршрут. Первый допускает историю обучения. Второй касается отношений между обозначениями, направлением и местом. Сами эти отношения нельзя объяснить только рассказом, в каком возрасте человек получил первую карту. Аналогия наша; карта не является моделью всей кантовской философии.

Так же можно спросить, как мы усвоили слово «вчера», и отдельно — что требуется для различения последовательности событий. Ответы связаны, но задачи разные. Биография владения словом не исчерпывает структуру того, что им обозначается. С другой стороны, структура не рассказывает сама по себе историю конкретного человека.

В обычном разговоре это различие помогает не подменять вопрос. Если участники спорят, является ли сообщение подтверждением договорённости, рассказ о привычках автора может быть полезен. Но сначала нужно определить, что считается подтверждением и как оно связано с предлагаемым обязательством. Иначе сведения о человеке будут увеличиваться, а предмет согласия останется неясным.

Можно представить человека, который спрашивает: «Почему я так понял?» Здесь действительно может быть уместна история прежних разговоров. Но вопрос «правильно ли я понял нынешнее условие?» требует ещё и сверки с самим условием. Одна задача не отменяет другую. Объяснение происхождения мнения не доказывает его истинности и не опровергает её автоматически.

В нашем прочтении кантовский поворот ценен как приглашение замечать скрытые требования к знанию. Что должно быть определено, чтобы утверждение имело смысл? Какие различия оно предполагает? Чему именно соответствует проверка? Эти вопросы иногда позволяют двигаться дальше без бесконечного накопления рассказов, которые не касаются главного перехода.

2. Опыт не равен куче впечатлений

Слова «чувственность» и «рассудок» здесь обозначают разные способности. В «Пролегоменах» чувственность связана с созерцанием, рассудок — с мышлением и соединением представлений в суждении. Категории, включая причинность, участвуют в условиях объективного опыта. Кант, «Пролегомены», §§20–23,25.

Наш условный пример: вы слышите хлопок, затем видите, что дверь закрылась. Можно описать последовательность восприятий. Можно утверждать, что сквозняк закрыл дверь. Во втором случае добавлена связь события с условиями. Её нельзя извлечь из одного слова «потом». Это пример различения уровней описания, а не доказательство трансцендентальной дедукции.

Мы часто представляем знание как накопление мелких фактов до тех пор, пока они не сложатся сами. Но даже в таком условном случае нужно решить, какие события сравнивать, что считать одной дверью, где начало и конец изменения, какое отличие значимо. Описание уже организует материал; это наше аналитическое наблюдение о конструкции примера.

Отсюда не следует, что мы выдумали дверь. Следует, что утверждение о двери имеет форму и требует подходящих различий. Например, «дверь закрыта», «дверь закрылась» и «человек закрыл дверь» — три разных притязания. Можно достаточно уверенно проверить первое, наблюдать второе и пока не знать третьего.

Та же структура появляется в чтении отчёта. Таблица содержит числа. Чтобы они стали сведениями о результате, нужны определённые единицы, периоды и связь с вопросом. Если число людей, число посещений и число действий записаны одинаковыми цифрами, совпадение ещё не делает их одной величиной. Дополнительная точность вычисления не исправит смешение предметов.

Мы не называем такое уточнение применением кантовских категорий в строгом смысле. Это самостоятельный современный вопрос, вдохновлённый вниманием к условиям: какие операции сделали данные знанием о чём-либо? Содержание важно, но его организация не должна оставаться невидимой.

У этой мысли есть практическое следствие. Иногда для большей ясности нужно не больше материала, а более точная связь уже имеющегося материала с утверждением. Тогда проверка перестаёт быть складом впечатлений и становится осмысленным сопоставлением.

3. Пространство и время: почему очки — слишком лёгкая метафора

В «Критике чистого разума» пространство и время рассматриваются как формы чувственного созерцания. Это условия данности явлений, а не свойства вещей самих по себе, которые таким способом устанавливаются. Кант, «Критика», трансцендентальная эстетика, §§2–6.

Популярная аналогия очков способна помочь и тут же ввести в заблуждение. Человек надевает цветные очки и видит иначе. Но очки можно снять, посмотреть без них и сравнить. Для кантовского вопроса такое сравнение не предоставлено: речь не о случайном аксессуаре отдельного человека, а об условиях человеческого чувственного опыта. Это наше пояснение границы метафоры.

Условная сцена у окна поэтому не доказывает Канта. Различие интересов двух людей — не то же самое, что различие явления и вещи самой по себе. Один следит за транспортом, другой ждёт знакомого; оба способны уточнять наблюдения и сопоставлять часы. Их личные задачи меняют внимание, но не разрешают каждому произвольно устанавливать время или место события.

Так же настроение нельзя автоматически назвать «кантовской формой». Если разговор показался долгим, это ещё не означает, что его длительность недоступна общей проверке. Можно различить переживаемую тягостность и измеренное время. Сведение обоих вопросов к «всё зависит от сознания» уничтожает именно то различие, ради которого тема полезна.

Наше прочтение предлагает обращаться с аналогиями осторожно. Они показывают одну сторону трудного понятия и могут скрыть другую. Перед переносом стоит спросить: что именно в сравнении соответствует оригинальному вопросу? Что не соответствует? Какой вывод мы не вправе сделать?

Можно использовать карту как иллюстрацию организованности знания, но нельзя объявить мир рисунком. Можно использовать очки как иллюстрацию условий видения, но нельзя обещать, что без них будет доступен «чистый» мир. Можно обсуждать разную перспективу двух людей, но нельзя выводить из неё полную произвольность общей реальности.

Точность метафоры измеряется не красотой совпадения, а сохранёнными границами. Хорошая аналогия оставляет читателю возможность вернуться к вопросу, вместо того чтобы заменить его удобной картинкой навсегда.

4. Ограниченность и объективность совместимы

Знание может относиться к явлениям и всё же иметь объективную значимость. Академический разбор кантовского идеализма различает его с эмпирическим отрицанием внешнего мира и показывает спорность интерпретации отношения явлений и вещей самих по себе. «Kant’s Transcendental Idealism», §§1,1.1.

Наш современный вопрос: что произойдёт, если ограниченность понимания автоматически превратить в отсутствие всякой проверки? Условные участники проекта могли бы сказать: «Каждый видит своё, поэтому обсуждать срок бессмысленно». Но срок можно уточнить, сообщения сверить, результат осмотреть. Наличие перспективы не отменяет этих действий.

Объективность в таком бытовом случае не обязана означать взгляд из ниоткуда. Она может требовать определённого предмета, общих условий сверки и возможности

исправления. Участники не становятся всеведущими; они получают основание согласовать один вопрос. Это наше современное применение, а не полное определение кантовской объективности.

Представим два рассказа об опоздании. Один говорит о длительности ожидания, другой — о времени отправления. Оба могут быть правдивы и не отвечать на один и тот же вопрос. Чтобы сравнить их, надо сначала установить предмет. Затем может оказаться, что разногласия нет, либо обнаружится конкретное несоответствие. В обоих случаях «у каждого своя правда» было бы преждевременным завершением.

При этом согласие людей не гарантирует правильности. Все могут одинаково прочитать ошибочную запись. Общая проверка важна, но её источник и предел остаются отдельным вопросом. Мы не предлагаем заменить истину голосованием. Возможность поправить общую ошибку составляет часть ценности обсуждения.

Также объективный факт не определяет автоматически личного значения. Час ожидания может быть установлен; его приемлемость зависит от договорённости, обстоятельств и границ участников. Назвать факт не значит предписать одинаковое отношение к нему. Назвать разное отношение не значит отменить факт.

Это различение позволяет сохранить и общую реальность, и человеческое разнообразие. Нам не обязательно выбирать между жёстким навязыванием одной оценки и полным отказом от сопоставления. Можно проверять общий предмет и отдельно обсуждать, что он означает для каждого участника.

5. Вещь сама по себе не является недостающей фотографией

Кантовское различие легко превратить в картинку двух миров: перед нами поверхностная оболочка, а за ней лежит настоящая вещь, которую однажды снимет более мощный прибор. Мы не используем эту картинку как установленное чтение. Академическая статья показывает несколько конкурирующих интерпретаций: двух предметов, двух аспектов, разных способов рассмотрения. «Kant’s Transcendental Idealism», §4.1 и введение к §5.

Наше практическое различие проще. Неизвестная деталь предмета может стать известной после исследования. Принципиальное ограничение способа знания — другой вопрос. Если я не вижу обратную сторону дома, можно обойти его. Это не переход к вещи самой по себе в кантовском смысле. Перед нами ещё один опыт того же порядка.

Если я не знаю мотив другого человека, можно спросить его. Даже хороший ответ остаётся сообщением в человеческом общении, а не доступом к человеку вне всех условий познания. Поэтому «тайна другого» не стоит автоматически отождествлять с

кантовской вещью самой по себе. Такая метафора может звучать уважительно, но она смешивает разные проблемы.

Различение важно и для отношения к собственному объяснению. В условной ситуации человек говорит: «Я ещё не понял, почему выбрал эту работу». Отсутствие нынешнего ответа не означает, что вопрос принципиально не допускает исследования. Можно сравнивать ожидания, сведения и действия. И наоборот, новые подробности не обязаны привести к окончательному знанию собственной сущности.

Мы предлагаем не использовать философский предел как универсальную табличку «вход закрыт». Прежде следует выяснить вид неизвестного. Не хватает данных? Неясен вопрос? Способ проверки не соответствует притязанию? Утверждение вышло за предел того, что выбранный материал вообще способен показать?

У каждого вида неопределённости свой ответ. Дополнительное наблюдение может закрыть первый пробел. Уточнение термина — второй. Изменение проверки — третий. Четвёртый иногда требует сузить вывод. Нельзя все четыре задачи решить одинаковым количеством новых сведений.

Для понимания кантовского замысла нужно также краткое различие аналитического и синтетического. Первое суждение проясняет уже мыслимое в понятии, второе добавляет содержание; вопрос о возможности синтетического знания a priori составляет проблему «Критики». A priori означает независимость основания от опыта, а не раннюю догадку. Кант, «Критика», введение, I,IV–VI.

Наш условный пример поясняет только часть этого различия. Если в договорённости «срочным» названо задание до конца дня, фраза «срочное задание имеет этот срок» разворачивает принятую формулировку. Фраза «это задание выполнимо до конца дня» добавляет другое притязание: речь уже об объёме, средствах и условиях работы. Даже идеальная ясность определения срочности не доказывает выполнимость. Пример не классифицирует все суждения по кантовской системе; он показывает разницу раскрытия смысла и добавления утверждения о деле.

Этот переход особенно легко потерять в словах о человеке. Если «надёжным» назван тот, кто выполняет обязательства, определение не устанавливает, надёжен ли конкретный участник. Для этого нужны сведения о его действиях. Повторение определения голосом большей уверенности не добавляет такого сведения. Оно только заставляет вопрос выглядеть решённым.

Но центральная кантовская задача ещё труднее нашего примера: можно ли иметь расширяющее знание с необходимым, неэмпирическим основанием? Мы не отвечаем на неё рабочей таблицей и не подменяем её утверждением «всё надо проверять». Именно

поэтому исторический проект не стоит читать как простой список осторожных привычек. Он пытается объяснить возможность знания определённого рода, а не только уменьшить бытовые ошибки.

Читателю остаётся содержательный вопрос: когда мой вывод лишь прояснил уже принятое значение, а когда он сообщил что-то новое и потому требует другого основания? Не всякая ясная формулировка расширяет знание. Не всякое новое содержание подтверждается ясностью определения. Это современный способ увидеть трудность, не выдавая его за завершение кантовского аргумента.

Таким образом, граница возможного знания не уничтожает обычную исследовательскую неизвестность. Она помогает не выдавать её за уже достигнутый окончательный ответ и не обещать такой ответ там, где сама форма вопроса остаётся непроверенной.

6. Когда понятие выходит за предел своего применения

В «Критике» Кант ограничивает познавательное применение рассудочных понятий возможным опытом; понятие ноумена не предоставляет нам позитивного знания особого сверхчувственного предмета. Кант, «Критика», «Об основании различения всех предметов вообще на феномены и ноумены».

Для нашего современного размышления можно взять более скромный переход. Мы знаем, что определённая процедура полезна при конкретном виде работы, и затем называем её «законом успешной жизни». Новое притязание гораздо шире исходной проверки. Понятие осталось знакомым, но предмет изменился.

Условный человек освоил точный способ учёта и хочет применить его к отношениям. Уточнение договорённостей может помочь. Но нельзя автоматически считать чувства одной величиной, согласие — числом, а смысл близости — итоговой суммой. Аналогия способна предложить вопрос, не получая права решить всё, что было перенесено.

Другой пример — слово «причина». В ограниченном событии оно направляет поиск последовательности. В вопросе «какова окончательная причина всей моей жизни?» оно может начать требовать единого ответа, для которого перечисленные эпизоды недостаточны. Это не означает, что вопрос запрещён. Означает, что надо различить философское размышление, личное смыслообразование и установленный причинный вывод.

Мы предлагаем проверять переход по трём признакам. Изменился ли предмет? Остались ли условия исходной проверки? Не стало ли слово обещать больше, чем подтверждает материал? Если хотя бы один признак обнаружен, полезно назвать новый статус: метафора, гипотеза, предложение или мировоззренческая позиция.

Такое обозначение не обесценивает смысл. Метафора может быть выразительной, а мировоззренческий вопрос — важным. Но они не должны получать доказательность соседнего измерения только потому, что стоят рядом в тексте. Если человеку полезен образ жизненного маршрута, это ещё не доказывает наличие единственного объективно заданного пути.

Граница применения понятия — одновременно ограничение и защита. Она не позволяет одному успешному инструменту занять все области опыта. Там, где инструмент пригоден, мы можем использовать его точнее; там, где он не даёт нужного основания, остаётся место другим вопросам.

7. Возражения к критическому повороту

Первое возражение спрашивает: как можно говорить о вещах самих по себе, если они не познаются? Академическое обсуждение отмечает трудности отношения явления, независимого предмета и аффицирования. Единогласного ответа среди интерпретаторов нет. «Kant’s Transcendental Idealism», §3.4. В этой статье мы не закрываем спор простой фразой о скрытой реальности.

Второе возражение касается современных знаний о восприятии. Не нужно ли заменить философию Канта психологией или нейронаукой? Мы сохраняем различие задач: эмпирическое описание определённого процесса не тождественно аргументу об условиях возможного опыта. При этом историческая система не получает иммунитета к критике лишь потому, что её задача философская. Содержание аргумента всё равно требует обсуждения.

Третье возражение направлено против нашего применения: не слишком ли всё стало обычной аккуратностью? Действительно, проверка срока не является трансцендентальной философией. Мы не утверждаем такого тождества. Бытовые примеры показывают современную ценность вопроса об условиях и охвате притязаний. Для понимания самого Канта потребуется больше, чем освоение этих вопросов.

Четвёртое возражение связано с властью над чужим опытом. Если мы объявляем общие условия знания, не начнём ли отвергать всё непохожее на собственное? Наше чтение не разрешает такого вывода. Различие переживаний нужно сначала услышать и точно описать. Общая проверка факта не отменяет право человека сообщать о том, что он испытывает.

Наконец, критика может стать удобной формой уклонения: любое сложное утверждение объявляется выходом за пределы. Но прежде требуется показать, какой именно предел затронут. Иначе слово «критический» само становится непроверенной привилегией.

Обоснованное ограничение должно быть адресным, связанным с предметом и способом знания.

Философское достоинство темы сохраняется, когда пределы исследуются, а не раздаются. Читатель вправе принять один аргумент, усомниться в другом и отказаться от окончательного согласия. Способность точно назвать разногласие иногда важнее впечатления, будто трудная система наконец сведена к одной лёгкой формуле.

8. Что это значит на практике

Если вам подходит такой способ размышления, выберите одно утверждение, которое кажется слишком большим для его основания. Например, условное «я знаю, что этот разговор никогда не получится». Не обязательно начинать с него спор. Можно сначала выяснить его структуру.

Что считается «получится»: согласие, отсутствие конфликта, ясность решения, возможность договориться о следующем шаге? Эти результаты различаются. Какие разговоры уже происходили? Что именно в них было трудным? Существуют ли условия, которые ещё не пробовали? Какое наблюдение могло бы изменить нынешний вывод?

Следующий вопрос касается вида неизвестного. Возможно, не хватает времени или сведений. Возможно, два участника хотят разных результатов. Возможно, вы требуете такого согласия, которое зависит от выбора другого и не может быть гарантировано вашим действием. В каждом случае следующий шаг будет разным.

Можно добровольно выбрать ограниченное уточнение: заранее назвать тему, предложить время, определить, по какому вопросу нужно решение. Затем проверить не «всю способность общаться», а конкретный исход: стало ли понятно, о чём спор; появилось ли решение; потребовалась ли пауза. Если другой не согласен участвовать, это самостоятельный факт, который нельзя отменить более красивой формулировкой.

Также полезно сохранить уровни речи. «Так я пережил разговор» сообщает об опыте. «Такой срок был согласован» требует сверки. «Этот человек по природе неспособен к договорённости» — гораздо более широкое утверждение. Можно отказаться от третьего, сохранив первые два и решение о собственном участии.

Предел не обязан быть неприятным. Иногда он снимает лишнюю задачу: не нужно устанавливать окончательную сущность человека, чтобы решить, подходит ли текущая договорённость. Не нужно знать смысл всей жизни, чтобы проверить пригодность ближайшего обязательства. Это наши современные выводы, а не обещанный результат кантовского упражнения.

Если размышление не даёт полезного различия, его можно завершить. Философия не требует превратить каждую бытовую ситуацию в суд над возможностями разума. Мера применения определяется вашим вопросом и тем, какую ясность реально удалось получить.

9. Предел, который оставляет пространство

В исходной сцене двое смотрят на одну улицу. Их интересы различаются. Теперь мы можем описать это без слишком большого вывода о разных реальностях. Один замечает транспорт, другой — ожидаемого человека. Они способны сверить время и одновременно сохранить разное значение ожидания.

Тема Канта предлагает более глубокий вопрос, чем это различие интересов: что делает возможным опыт предмета и где заканчивается познавательное применение наших способов? Мы сохранили расстояние между историческим вопросом и современным примером, чтобы оба оставались полезными.

Наше прочтение не обещает окончательно увидеть мир без всяких условий. Оно предлагает заметить условия конкретного утверждения. На какой материал мы опираемся? Как организуем его? Какое притязание добавляем? Где факт сменяется интерпретацией, а интерпретация — мировоззренческим выводом?

Если эту последовательность назвать, неполнота знания не обязательно превращается в бессилие. Можно установить один факт, оставить один мотив неизвестным и принять одно ограниченное решение. Важность личного опыта не требует отказа от общей проверки. Общая проверка не требует одинаковой оценки для всех людей.

Возможно, самая спокойная польза этой темы заключается в уменьшении лишнего притязания. Нам не нужно объявлять каждый вывод окончательным, чтобы действовать. И не нужно объявлять всё субъективным, чтобы признать существование перспективы. Между этими заявлениями остаётся пространство исследуемого опыта.

Знать меньше, чем хотелось бы, и знать достаточно для определённого вопроса — совместимые положения. Критическое мышление в нашем прочтении помогает удержать их вместе: не выдавать предел за ответ, не выдавать ответ на малую задачу за устройство всего мира и продолжать исследование там, где оно действительно может что-то показать.

Источники

1. Immanuel Kant. *Prolegomena to Any Future Metaphysics*, английская редакция Paul Carus, 3-е издание 1912: §§18–25, особенно 21a. Project Gutenberg.

2. Immanuel Kant. *The Critique of Pure Reason*, перевод J. M. D. Meiklejohn: введение I, IV–VI; трансцендентальная эстетика §§2–6; раздел о феноменах и ноуменах. Project Gutenberg.

3. Nicholas F. Stang. *Kant's Transcendental Idealism*: §§1, 1.1, 3.4, 4.1; введение к §5. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Использован академический разбор спорных чтений, без объявления одной интерпретации бесспорной.